

Книга будет полезна и информативна как для профессиональных востоковедов и религиоведов, так и для широкого круга читателей, которые интересуются историей и культурой буддизма России.

Оренбург М.Ю.

Рецензия на: **Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования:** монография / Под ред. Р.В. Шиженского. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. 264 с.

Новый сборник материалов – монография «Язычество в современной России», объединенных темой исследований современного российского неоязычества, вышел в свет в конце прошлого года. Редактор сборника, нижегородский ученый и заведующий научно-исследовательской лабораторией «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Роман Шиженский, собрал под одной обложкой статьи представителей самых разных научных дисциплин – религиоведения, истории, филологии, политологии и социологии.

Как справедливо замечает в предисловии сам редактор, «данный коллективный труд можно назвать монографическим лишь условно. Каждый авторский раздел изучает “своё язычество”, определённые особенности последнего» (с.5), а также отмечает и тот факт, что это не первая попытка подобного рода коллективной работы, ссылаясь, в частности, на сборник «Неоязычество на просторах Евразии»¹. При этом скромно умалчивает о другом собственном проекте – альманахе «Colloquim Neptaplomeres», вот уже третий выпуск которого вышел в свет. Первая ассоциация возникла именно с ним – такая же разнообразная подборка авторов, научных дисциплин,

¹ Составитель В. Шнирельман, М.: ББИ, 2001.

объектов изучения, объединенных лишь темой — современной неоязыческой религиозностью.

Разнообразные материалы сборника можно условно разделить на три типа — к первому относятся «кабинетные» изыскания ученых-теоретиков, как правило, не работающих с фактическим материалом — неоязыческой идеологией и практикой и их носителями «в полевых условиях», посвященных какой-то узкой, как правило, абстрактной теме и интересной разве что подобным же исследователям. Ко второму типу материалов я отнес аналитическо-статистические исследования, дающие некоторое представление о реалиях феномена в действительности. И к третьей группе материалов сборника я отнес нарративы, посвященные некоей конкретной теме или конкретной персоналии или организации в рамках изучаемой проблемы.

Статью религиоведа Ларисы Астаховой «Методологические основания исследования неоязычества в условиях мультипарадигмальности религиоведения» оставим без пристального внимания — она попадает в первую группу, поскольку ее проблематика узкоспециальна и может представлять интерес преимущественно для религиоведов-теоретиков.

В куда меньшей степени предыдущему определению соответствует работа Андрея Бескова «Российская язычески мотивированная эргонимия как индикатор общественного интереса к восточнославянскому язычеству». Автор исследует статистически обработанные данные по «языческим» эргонимам — названиям деловых фирм, сообществ, коммерческих предприятий, использующих имена богов славянского пантеона и соответствующие этнонимы.

Непреренно рекомендую к прочтению каждому исследователя феномена политеистической религиозности материал Андрея Гизбрехта «К вопросу об эстетике русского неоязычества (на материале изобразительного и декоративного-прикладного творчества)». Относительно небольшая, но емкая и весьма информативная статья посвящена, как следует из названия, столь важной, отличительной и характерной черте неоязычества, как его эстетическая компонента. Действительно, омонимы, топонимы, элементы декора и одежды, символика (свастичный коловрат и другие) – значимые маркеры и познавательные знаки как для «своих» – родноверов, так и для «непосвященных». Автор проделал значительную работу по собиранию, анализу и кодификации всех сколько-нибудь очевидных предметов-носителей языческой эстетики, и классифицировал их по нескольким категориям – природоцентризм, телоцентризм, этноцентризм, миф «золотого века» и оккультно-магическое мировоззрение.

Достойна внимания статья Людмилы Григорьевой, доктора философ.н. из Красноярска «Язычники Красноярска в формате кейс-стади: взгляд снаружи и изнутри». На фоне остальных работ сборника в строго «научном» стиле исследование выделяется «журналистским» стилем подачи материала, что не умаляет его информативности и научной ценности. Можно даже назвать занимательное и содержательное повествование автора «репортажем о журналистском расследовании». Людмила Ильинична решила самостоятельно выяснить, есть ли язычники в Красноярске, и если есть, то кто они, какие, сколько их? Результат расследования, можно сказать, разочаровал автора – широко рекламирующая себя община «Родуница» и ее глава оказались на поверку неудачным

коммерческим проектом «ню-эйдж»-типа¹. «Итог — предварительный вывод «разведывательного включенного наблюдения»: собственно «Общины Родноверов» в Красноярске не было и нет» (с.66). Однако автору все же удалось найти «настоящих» красноярских родноверов, почти неизвестных — и недоступных широкой аудитории ввиду целенаправленной политике изолированности и самодостаточности. Судя по подробному рассказу-отчету автора, мировоззрение и учение «ЛАДа» — в целом типичная для многих реконструкция языческой идеологии, мифологии и ритуальных практик со значительными ню-эйдж вкраплениями и псевдославянско-ориентальными конструктами. «“Янтра” — знак бога Сварога», «сакральные энергии Живы и Сомы», «“промывание” Красноярска разноцветными энергиями» — всё это, плюс фиксированная цена за обучение на семинарах — типичный неоспиритуалистский бизнес «неоязыческого» разлива, но коммерчески успешный, в отличие от «Родуницы» Лютослава (Людмила Григорьева ответственно сопроводила материал прайс-листом образовательных услуг). В качестве вывода можно лишь утвердительно ответить на вопрос автора, «который хорошосформулирован в статье А. Бескова: а не является ли все наше так называемое “Родноверие” и прочее “новое язычество” одним большим симулякром?» (с.66). Автор, видимо, согласен с цитируемым коллегой — к сожалению, да, является, и нередко. Но, к счастью, далеко не во всех случаях и проявлениях.

Одним из ключевых вопросов в идентификации, самоидентификации и аутентичности неоязычества является проблема подлинности археологических

¹ Здесь стоит отметить, что интервью с «лидером» «Родуницы» — Лютославом, он же Ах Пуур Дээр Хам (А. Косович), опубликовано в третьем выпуске упомянутого альманаха «COLLOQUIM NEPTA PLOMERES».

находок и литературных памятников, к которым адепты родноверия обычно апеллируют — за неимением живой сохранившейся традиции. И если о «Велесову Книгу» переломано уже множество всевозможных копий, Олег Кутарев в статье «История мистификаций и домыслов в области славянского пантеона» продолжает осуществлять значимую и ответственную инициативу — деконструкцию современной языческой мифологии/идеологии, основанной на заведомо ложных, либо подложных исторических и археологических «открытиях». В частности, «камня на камне» не остается от мифологии «древних» Прильвицких идолов, они же — «Сокровища Ретры», на которых построена не одна идейная, мифологическая и даже магическая концепция. Например, известный теоретик и практик отечественной «рунологии» Антон Платов использовал ретринские надписи в своей реконструкции славянских рун, тогда как автор данной статьи сообщает, что уже «к середине XIX века не было ни одного значимого исследователя, включавшего их в круг рассмотрения славянских древностей. “Умышленные подделки” — примерно так о Прильвицких идолах писали такие крупные специалисты, как И. Гануш, Я. Гримм, В. Ягич, И.И. Срезневский, Д.О. Шеппинг, а чешский славист П.И. Шафарик даже “проклял” их создателей...» (с.149).

Самую социально проблемную, пожалуй, тему в одном из ее аспектов исследует Александр Кузьмин. Хотя его материал «Современный этап развития русского неоязычества: особенности политической идеологии и противодействие пропаганды радикального национализма» имеет преимущественно статистико-аналитический характер, даже его достаточно для понимания того, что интенсивно насаждаемая — и, увы, все более и более укореняющаяся

в сознании масс максима «язычник=нацист/фашист» — не просто преувеличение, а заведомое и целенаправленное искажение действительности. Для начала уже потому, что любовь к своему народу (языку, истории, традициям) повсенеобязательно подразумевает неприменную ненависть ко всему чужому. Так же и потому, что хоть и существует в действительности идеологический расизм (национализм, антисемитизм, другие разновидности ксенофобии), действительных идеологов и их последователей среди осознанных родноверов сравнительно небольшой процент, зато есть политически ангажированные силы и структуры, которые используют и малообразованных — и, к сожалению, мало самостоятельно думающих язычников в своих интересах. И последнее — конечно, недобросовестность исследователей, зачастую склонных обобщать любое проявление национализма и патриотизма и апелляцию к исторической памяти (упоминание богов языческого пантеона и риторическое воззвание к ним) в единое идейное поле. Количество язычников — радикальных националистов увеличивается таким искусственным образом в несколько раз. Справедливость же их идентификации как таковых подтверждает и анализ автором статистических оценок публикаций «неоязычников» по признаку «экстремизма».

Работа известного белорусского исследователя НРД В.А. Мартиновича «Проблематика целостного восприятия феномена неоязычества», без сомнения, относится к первой и второй из выделенных мною групп — теоретическим изысканиям и статистической аналитике. В этот регистр автор вводит читателя сразу, знакомя его с собственной классификацией нетрадиционной религиозности по двум параметрам — «для европейского пространства конца XIX — начала XXI веков можно выделить 6 типов (нетрадиционной) религиозности по структуре

и 17 — по содержанию. На их пересечении образуется 102 потенциально возможных типа, охватывающих собой все многообразие форм нетрадиционной религиозности для этого периода и региона мира» (с.161). Посвятив весь дальнейший материал изучению феномена в рамках этой классификации, автор приходит, в частности, к таким — неоднозначным — выводам: 1. Императив жизни в гармонии с природой был неизвестен древним язычникам. 2. Представители древнего язычества не представляли себе жизни без максимальной и гармоничной интеграции своего учения и практики с жизнью общества. 3. Внутренняя логика развития древнего языческого общества не сближала его с природой, а наоборот, отталкивала и отдаляла от нее. Сомнительность и спорность этих утверждений читатель может оценить и сам, подробно изучив ход мысли автора и сравнив его выводы с мнениями других исследователей, а особенно — с «полевыми наблюдениями».

Работа Софьи Пепеляевой «Неоязыческие мотивы в литературе: романтизм / современность», относящаяся к третьей выделенной группе, исследует малоизученную еще тему, означенную в названии. Особенно любопытен авторский анализ повести классика русского романтизма К.С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг». Автор тщательно и старательно находит множество неочевидных непосвященному читателю смыслов и параллелей, как с древними мифологическими и драматическими сюжетами, так и с произведениями других мастеров жанра. Так, кульминация всей драмы, в которой герой покидает «материальный мир, переходит в бесконечное и соединяется с ним», в первую очередь вызывает в памяти миф о Пигмалионе и Галатее, а так же «Портрет Дориана Грея». Во второй части работы С. Пепеляева довольно натянуто проводит параллели между рассмотренной

повестью Аксакова и современными популярными авторами в жанре «славянского фэнтези» — Е. Дворецкой и М. Семеновой, экранизация «Волкодава» последней стала, пожалуй, самым успешным кинопроектом в одноименном жанре.

Аналитический материал Г. Самойловой «Антропонимы как способ самовыражения в новых языческих течениях» хорошо иллюстрирует самоидентификацию родноверов путем сознательного принятия (зачастую — в сакральном ритуале имянаречения, которому предшествует раскрещивание) специально выбранного славянского имени. Так, мы узнаем, что «количество мужских имен в новых языческих течениях почти вчетверо превышает таковые у женщин», а всего из более 10 000 человек из обследованных общин «особые языческие имена» имеют менее 2% членов общин (с.191). Пытаясь объяснить причины этой непопулярности аутентичной ономастики, автор солидаризуется здесь с выводами Р. В. Шиженского и М.Ю. Шляхова: «Определенная внешняя изолированность “российского языческого мира” реализуется через массовый отказ и нежелание раскрывать “истинные” языческие онимы; деление мира на своих и чужих подтверждается и ссылками на работы общинных лидеров»¹. В качестве же решения этой проблемы Г. Самойлова видит возможное «возрождение древних дохристианских имен и создания новых имен по соответствующим образцам на основе корней родного языка» (с.197).

Любопытен опыт интерпретации мировоззрения и практической деятельности двух идеологов

---

¹ Шиженский Р.В., Шляхов М.Ю. Письменные источники современных российских язычников по данным полевых исследований// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. №8-3 (58). стр. 213.

и лидеров неоязычества «первой» (Доброслав — Алексей Добровольский) и «второй» (Велимир — Николай Сперанский) «волн» сквозь призму религиозной концепции английского философа К.Г. Доусона. В одноименном исследовании Роман Шиженский рассматривает на двух указанных примерах современное жреческо-волховское «сословие» в родноверии. Автор отмечает следующие результаты проведенного анализа: синкретизм религиозных архетипов (по Доусону — жрец, царь и пророк), даже слияние их в одной фигуре лидера общины. Последний, таким образом отвечает за руководство сообществом, обрядовые действия, священные тексты и символы, создание пантеона и генерацию эсхатологических и апокалиптических воззрений. К сфере ответственности волхва относится и контакт с потусторонним миром, а также «проведение в жизнь» божественного закона — Лада, или Дарны (в терминологии Велимира).

В заключение отмечу и статью В. Яшина, посвященную современному неоязычеству, локализованному в сибирском регионе. Отметив, что преобладающее количество адептов родноверия и их организаций сконцентрировано в европейской части России, В. Яшин все же пытается доказать, что и за Уралом, в Сибири славянское неоязычество есть. В качестве аргументов, приводит, правда, крайне сомнительные и неоднозначные примеры, и в первую очередь — одиозную «Древнерусскую Инглиистическую Церковь Православных Староверов-Инглингов». Этот эклектичный культ за авторством Патер Дия о. Александра (А.Ю. Хиневича) не рассматривает никакой серьезный исследователь, большинство ведущих идеологов и лидеров крупнейших родноверческих общин страны неоднократно отказали Хиневичу и его единомышленникам в праве на единоверие, однозначно заклеив его, близких ему

по духу идеологов и их мировоззрение как псевдо- и антиязыческие, а правоохранительными органами основное писание Инглиингов — «Славяно-Арийские Веды» — и вовсе признаны экстремистским материалом. Автор упоминает еще несколько неоязыческих деятелей и общин Сибири, либо крайне малочисленных (иной раз и ограничивающихся единственной персоной своего лидера-основателя), либо уже канувших в лету, подобно популярной в конце 90-х — начале 2000 «Тропе Трояновой». Этим, пожалуй, ограничивается и исчерпывается вся хронопись сибирского родноверия наших дней.

Завершая обзор монографии, отмечу, что, несмотря на некоторые не столь значимые недостатки и лакуны ряда представленных работ, общее их качество находится на должном профессиональном и научном уровне, соответствует заявленным авторами проекта целям — разносторонним и разнообразным исследованиям феномена, и, достойно продолжая ряд предыдущих изданий Лаборатории, вносит свой ценный вклад в пока еще молодую отрасль отечественного религиоведения, изучающую неоязычество.

Алексей Белов